

М. 1354

ТЕАТРАЛЬНЫЕ И МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИЗВѢСТІЯ.

Предположенный репертуаръ будущей недѣли въ Императорскихъ Театрахъ. Въ Большомъ: понедѣльникъ—*Борисъ Годуновъ*, вторникъ—*Волшебная Флейта*, среда—*Волшебная пилла*, четвергъ—*Мазепа*, пятница—*Волшебная флейта*, воскресенье утромъ—*Волшебная пилла*, вечеромъ—*Тарасъ Бульба*. Въ Маломъ: воскресенье—*Правительница Софья*, понедѣльникъ—*Теофанъ и Русский и Немецъ*, вторникъ—*Въ Шимонскомъ замкѣ*, среда—*Теофанъ и Русский и Немецъ*, четвергъ—*Въ Шимонскомъ замкѣ* или *Послѣдняя воля и Бѣдовая вдовушка*, пятница—*Татьяна Рѣпина* и *Случайно случившійся случай*, воскресенье утромъ—*Послѣдняя воля и Бѣдовая вдовушка*, вечеромъ—*Въ старыя годы* и *Семейная тайна*.

Письмо изъ Петербурга. 31 января, съ большимъ успѣхомъ шла въ бенефисъ режиссера Федорова четырехактная драма А. Чехова *Ивановъ*; она уже шла у насъ въ театрѣ Корша съ сомнительнымъ успѣхомъ; но, повидимому, передѣлки послужили ей въ пользу, и драма, какъ сказано, имѣла здѣсь очень большой успѣхъ. Въ виду толковъ о томъ что пьеса Чехова дала якобы „новый типъ“ человека, новый даже не для одной русской литературы; въ виду того что молодой авторъ несомнѣнно оченъ та-

лантливъ и въ самой драмѣ его есть много выдающихся достоинствъ, слѣдуетъ поговорить о ней серьезно. Г. Чеховъ—врачъ; изъ пьесъ его чувствуется какъ бы патологическое изслѣдованіе въ драматической формѣ, а это до такой степени опасный подводный камень для сильнаго, молодого таланта что надо пожелать чтобъ авторъ звалъ о немъ.

Главное дѣйствующее лицо пьесы—*Ивановъ* (г. Давыдовъ), субъектъ психически-больной, равно какъ и всѣ почти остальные лица, на которыхъ пьеса построена; всѣ эти лица, такъ сказать, психопаты, выросшіе и сложившіеся на одномъ сѣромъ, томительномъ, невѣроятно густомъ фонѣ „скуки жизни“. Объ этой скукѣ заявляютъ на сценѣ всѣ, рѣшительно всѣ, и заявляютъ много разъ, такъ что нельзя не признать что главнымъ двигателемъ, главною точкой отправления всѣхъ ихъ дѣяній въ пьесѣ является скука. Нисколько не опровергаемъ того что скука жизни дѣйствительно можетъ породить и порождаетъ у насъ множество великихъ негнѣпѣйшихъ людей и дѣлъ; но признать что эта скука способна закабалить всѣхъ, все общество, всѣ мысли и чувства людскія, что она объяснитъ вамъ всякій негнѣпѣй психопатизмъ—дѣло невозможное. Въ числѣ зрителей пьесы Г. Чехова раздавались даже такіе голоса что авторъ ико бы прозрѣлъ, поймалъ какой-то новый типъ, настолько же самостоятельный, суммирующий, настолько же служящій знаменіемъ нашего времени, какъ Чацкій, Фамусовъ и т. п. Еслибъ это было дѣйствительно такъ, то оставалось бы сложить руки и смотреть на то какъ разрушается Россія.

Чѣмъ было въ прошедшей своей жизни главное лицо пьесы Ивановъ—зритель рѣшительно не знаетъ; онъ по знанію своему непремѣнный членъ присутствія по крестьянскимъ дѣламъ, вѣроятно, выдѣлялся своими способностями, вѣроятно, былъ человекомъ не зауряднымъ, но доказательство этому имѣется только одно: онъ оказался настолько смѣлъ что женился на Еврейкѣ Сарѣ Абрамской (гжа Стрепетова),

любитъ ее болѣе четырехъ лѣтъ, почему-то разлюбилъ и, несмотря на свои 35 лѣтъ отъ роду, будучи женатъ, любить вторично дѣвушку Сашу (гжа Савина) и даже цѣлуется съ нею, тогда какъ жена его, чувствуя погасаніе любви мужа, заботится чахоткой. Несмотря на то что жена Иванова Сара смертельно больна, она все-таки единственное здоровое лицо пьесы, она не психопатка. Сара полюбила Иванова настолько что приняла христианство, лишена за это родителями большого наслѣдства и разубѣдившись въ любви мужа, смертельно заболѣваетъ—это естественно и вполне мотивировано. Но какъ же могло случиться что Ивановъ, разлюбивъ ее, готовъ совратить другую порядочную дѣвушку, тоже богатую; какъ объяснить что онъ, сохраняя все свое благородство, дѣйствительно убиваетъ жену въ превосходной заключительной сценѣ третьяго акта нѣсколькими жесточайшими словами; что онъ предъ этимъ только что бѣгалъ, желая обвинить прѣхавшую къ нему амазонкой Сашу; что похоронивъ жену и готовясь идти къ вѣнцу съ Сашей, онъ вдругъ не хочетъ идти, потому что у него съдвигаются виски, и почему, наконецъ, услышавъ брошенное ему въ лицо вполне заслуженное слово „подлецъ“, онъ застрѣливается, объявляя что въ немъ наконецъ-таки проснулся прежній настоящій дѣятельный Ивановъ. Все это отдаетъ болѣзненною хроникой душевной болѣзни.

Совершенно больными, психопатическими личностями являются: старый графъ Шабельскій (г. Свободинъ), какая-то мужская приживалка, дармоедъ, ругающій всѣхъ и все—отъ скуки; вдова Бабакина (гжа Хлѣбникова) помѣшанная на томъ чтобы стать графиней Шабельскою и дающая право назъ Шабельскому, такъ и Боркину, управляющему Иванова (г. Далматовъ), цѣловать себя, съ двухъ сторонъ одновременно, въ чужомъ домѣ; предсѣдатель управы Лебедевъ (г. Варламовъ), сильно пьяный и безответный предъ женой своею Зинаидой Савиной (гжа Жулева), объятаю мономаніей скупоности; дочь ихъ

обоихъ Саша (гжа Савина) богатая наследница, цѣлующаяся съ женатымъ Ивановымъ такъ неудачно что подѣлываетъ видѣть жена послѣдняго, причемъ падаетъ въ обморокъ, а Саша одержимая жаждой спасти разрушающагося въ своей душевной пустотѣ Иванова, продолжаетъ свой подвигъ; докторъ Львовъ (г. Черновъ) дѣлающій яко бы изъ чести такія же подлости какъ Ивановъ, вслѣдствіе скуки и нервовъ пишущій анонимныя письма и обзывающій, въ заключительной сценѣ драмы, Иванова подлецомъ, чѣмъ и вызываетъ его на самоубійство,—всѣ эти перечисленные лица несомнѣнно психопаты. Какъ болѣзненные этюды, они даже очень живы и хороши и ныютъ подъ собой почву, несутъ въ себѣ мотивы своего „я“. Но главное дѣйствующее лицо—Ивановъ, самый выдающійся психопатъ, уже совершенно необъяснимъ. Отъ чего это вдругъ, ни съ того, ни съ сего, заскучалъ онъ до такой степени что не находить себѣ мѣста въ подлунной, мечется между женой и дѣвушкой, между сознаніемъ своей неправоты и развитіемъ этой неправоты въ преступныя дѣянія, между совѣстью и безсовѣстностью, умомъ и глупостью, раздражая свои нервы до сильнѣйшихъ аффектовъ, которые и являются главными пружинами его дѣяній—все это остается совершенно необъяснимымъ, какъ бредъ больного.

Повторяемъ, какъ этюдъ одного изъ видовъ душевныхъ болѣзней, драма г. Чехова имѣетъ свои неоспоримыя достоинства; но видѣть въ этомъ этюдѣ изображеніе какого-то общественнаго типа, яко бы усмотрѣннаго и пойманнаго авторомъ—совершенно неумѣрно. Такими же типами пришлось бы признавать этюды другихъ видовъ душевныхъ болѣзней, еслибы г. Чеховъ задумалъ описать ихъ въ драмѣ или въ разквѣтѣ, и въ концѣ концовъ увѣрить въ томъ что типичнаго у насъ, въ Россіи, только и есть что психопатія.

Мы говоримъ все это потому что не можемъ не видѣть въ г. Чеховѣ человека съ большимъ талантомъ, потому что не можемъ не признать что въ драмѣ его есть превосходныя мѣста, хотя и очень мало дѣйствій, что въ авторѣ

МОСКВА

много наблюдательности, а главное, автор еще очень молод и драма эта, если не ошибаемся, его первый дебют для сцены. Начать так как он начал — очень хорошо, но велико будет разочарование его самого и публики если врач одолжит в нем драматурга и писателя, если аномалии физиологические, если „типы болезней“ он будет принимать за „типы людей“, если он повторит тому что прозвучало что-то новое, небывалое и даже не эту бо- лезнь, а тип живого человека странствующего между нами.

Разыграна была драма прекрасно. Г. Давыдов, для произведений впечатлительного человека в которого могла бы влюбиться до самозабвения богатая и хорошая Саша, должен бы был гримироваться и одеться помоложе, больше франтом, потому что сидящее мешками платье — и любовные сцены как-то не гармонируют. В самых горячих сценах, в тех где у Иванова разгуливаются нервы до невозможности, Г. Давыдов был очень хорош. Прелестна была гжа Стрепетова в заключительной сцене III акта, когда ей, смертельно больной, пожертвовавшей для мужа всем, даже второй, этот муж бросает в лицо слово „Идиовка“ и объявляет что она, по мнению доктора, обречена на смерть! Артистка изобразила магическое, смертоносное впечатление этих безчестных слов так наглядно, так сразу осунулась всем своим жалостливым существом что именно окончательно опозорила и без того безчестного, хотя и больного духом, мужа. Еслибы гжа Стрепетова сыграла хуже — Иванов г. Чехова выиграл бы несколько процентов. Г. Свободин во многом напоминает покойного Самойлова, но только разучивает и отбывает он роли свои добросовестнее его. Очень хороша была скупердяйка — гжа Жулева; недурен г. Давыдов, из ролей гжи Савиной и г. Чернова сделано было все что можно было сделать. Бенедиктанту, г. Федорову, за его 25-летнюю службу поднесены были подарки и прочтаны адреса. И...И.

(22. 9. 1906?)